

нута и написана более вяло, чем «Разлад».

Пишет Под'ячев просто и поэтому он понятен каждому, даже тому, кто только что научился читать. Для масс его книги ясны и близки.

Предисловие, написанное к первой книге Н. Смирновым, следовало написать более сдержанно, ибо похвалы расточаются им в таком количестве, что теряют всякую цену и даже становятся не только не лестными, но и вовсе не похвальными.

В повести «Среди рабочих» сбивает подзаголовок—«том второй». Но пусть читатель не утруждает себя поисками первого тома этой книги, ибо его совсем не существует; подзаголовок относится к собранию сочинений Под'ячева, выпускаемых «Известиями», в котором «Среди рабочих» идет вторым томом.

Но о «собрании сочинений» по причинам неведомым и непонятым в обоих книгах не сказано ни звука.

Борис Анibal.

Дм. Фурманов. 1. Чапаев. Предисл. А. Луначарского. ГИЗ. 3-е изд. 1925 г. Стр. 216. Тираж 15.000 экз. Цена 1 р. 25 к.

2. Мятеж. Предисл. А. Серафимовича. ГИЗ. 1925 г. Стр. 270. Тираж 7.000. Цена 2 рубля.

Как художник, Фурманов — не великий талант. Его слог порой слишком наивен, чтоб не сказать — примитивен. Постоянная, честная и искренность — эта основная черта Фурмановского письма — при всех своих несомненных достоинствах — не может все же заменить художественности; последняя у Фурманова встречается, сравнительно, редко.

Однако, несмотря на это обстоятельство, Фурманов читается с огромным, с исключительным интересом. Очевидно, что замечательные «приемы» автор удачно заменяет чем-то другим, что отнюдь не менее значительно и привлекательно: он заменяет их захватывающим интересом самого «содержания», захватывающим интересом событий, рисующих во всей своей огромности боевые годы революции.

«Чапаев» — наиболее удачное произведение Фурманова. Это —

своеобразная мемуарная эпопея о суровой борьбе с Колчаком и уральским казачеством. Сам Чапаев, Вас. Ив., это — знаменитый командир железной «чапаевской» дивизии, при которой Фурманов состоял комиссаром. Наблюдая Чапаева каждодневно, видя его в бою и во время свободного от боев, в горе и радости, — Фурманов сумел верно понять и описать этот характер, сумел дать тип простонародного, вышедшего из низов красного полководца.

Рано выгнанный деревней на заработки, Чапаев был словно рожден для войны. Он не мыслил себя вне грома орудий: с 1914-го года не снимал ружья, заслужив в империалистическую все 4 Георгия. С 1918-го он — красный боец.

Почти безграмотный, он обладал, однако, большим и ясным умом, чутьем верно схватывал самую тяжелую военную обстановку и, отличаясь необыкновенной храбростью, всегда лично находился в самых опасных местах. Трагическая гибель в борьбе с уральскими казаками застала его уже в ореоле славы, окруженным легендами и подлинной любовью всего окружающего крестьянства, не говоря уже о войсках.

Несомненно, — такая личность, как Чапаев, интересна и заслуживает внимания. О таких можно и стоит писать. Однако, «Чапаев» не был бы — «мемуарной эпопеей», будь это только лишь записи о жизни лично Чапаева.

Фурманов не впадает в эту узость и, рисуя Чапаева, дает больше, дает широкую картину гражданской войны вообще. И это достигается не только тем, что в книге много интересных описаний крестьянства, армии, казачества, разоренных деревень, жестокостей и пр. Это достигается также и тем, что сам Чапаев, собственно, тоже — больше чем личность. Его постепенное и беспрестанное подчинение воле партии, его общий культурный рост, это — показательный и типичный процесс, — процесс плодотворного подчинения анархического-партизанского крестьянства организованной воле пролетариата. Это тот процесс, который сделал возможными

победу крестьянства и победу революции вообще. Верное и глубокое понимание личности дает больше, чем личность, дает — тип; так, в обрисовке глубоко понятой, центральной личности может заключаться законченная эпопея.

«Мятеж», — сравнительно, менее значительное произведение, нежели «Чапаев». Однако и эта книга несомненно интересна и заслуживает большого внимания.

«Мятеж» рисует далекий, почти забытый в нашей современной литературе край — Семиречье. В марте 1920 г., когда там еще бродили, во главе с Анненковым, Щербановым и др., последние остатки белой армии и весь край еще глухо волновался, — Фурманов был послан туда в качестве уполномоченного по области от Реввоенсовета фронта.

«Мятеж» отчетливо делится на две, не совсем связанные части. Первая кажется нам наиболее интересной. Она рисует путь через весь край, захватывая быт и обстановку того времени: нищенство киргизов, недовольство русского кулачества и казаков, боящихся передела, недовольство войска, состоящего из местных жителей и требующего демобилизации, разоренность края, наконец — историю революции в Семиречье. 2-я часть — более узка. Она представляет самый «мятеж» — восстание нескольких батальонов — всего наличия военных сил края. Благодаря редкой и стойкой мужественности «центровиков» — высшего состава Семиречья, — восстание удаётся почти бескровно ликвидировать.

В книгах Фурманова много публицистики. Автор подчас делается агитатором. Несомненно дело художника — убеждать образам. Однако у Фурманова публицистика все же — на месте. Во всяком случае, ее можно оправдать. Плеханов говорит, что существуют эпохи, когда «публицистика» неудержимо врывается в область художественного творчества и распоряжается там, как у себя дома. Очевидно, произведения Фурманова — законные детища именно такой эпохи.

И. Машбиц-Веров.

Леонид Леонов. 1. Рассказы. Изд. «Круг» 1925 г. Стр. 196. Тираж 7.000. Цена 1 р. 25 к.

2. Барсуки. Ленгиз. 1925 г. Стр. 306. Тираж 7.000. Цена 2 руб.

Путь развития Леонова — путь долгой и нестойчивой учебы. Начав с философски-фантастической полусказки «Бурьга», хранящей очевидные следы влияния Андреева, — Леонов в дальнейшем выпустил ряд рассказов: «Петушихинский пролом», «Туатамур», «Гибель Егорушки», «Записи некоторых эпизодов», «Конец мелкого человека»... Два последние рассказа и составляют рецензируемую книгу («Рассказы»). Все перечисленные рассказы отличаются неизменной талантливостью, но столь же неизменной — по общему признанию критика — подражательностью. Леонов все не находит своего собственного лица, хотя удивительно мастерски подражает всем: Ремизову («Петуш. пролом»), Достоевскому («Конец мелк. челов.»), Достоевскому + Гоголю («Записи некот. эпиз.»). В некоторых местах автор достигает апогея подражательности, приближаясь к подлиннику; но это все, конечно, никак еще не было — собственно «Леоновским».

«Барсуки» — переломный пункт. Правда, и здесь еще много страниц, особенно в 1-й части романа, — полнокровные описания старого торгового Зарядья, — напоминают столь же полнокровные и яркие описания нижегородского купечества молодым Горьким («Фома Гордеев»); можно также найти (и некоторые находят) влияние Толстого; однако, в общем и целом, Леонов уже начинает в этом романе выявлять свое собственное, — индивидуальное, — лицо, свой стиль. Стиль этот еще не совсем ясен, еще трудно уловим. Но он несомненно идет по верному и плодотворному пути крепкого и уравновешенного реализма, без смакования почти-самовитого слова (Ремизов), без эксцентрически-неуравновешенных, «изломных» моментов (Достоевский), вряд ли способных передать нашу суровую и трезвую современность.

Параллельно с формальным ростом видим также в Леонове и дру-